

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ**

**РОССИЯ
И БОЛЬШОЙ
БЛИЖНИЙ ВОСТОК**

№ 9 | 2013 г.

Российский совет по международным делам

Москва 2013 г.

УДК 323.2(5-15)+327.8[(470+571):(5-15)]
ББК 66.3(533),133+66.4(2Рос),9(533)
Р76

Российский совет по международным делам

Редакционная коллегия

Главный редактор:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов**

Члены коллегии:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **И.С. Иванов** (председатель);

докт. ист. наук, акад. РАН **В.Г. Барановский**;

докт. ист. наук, акад. РАН **А.М. Васильев**;

докт. экон. наук, акад. РАН **А.А. Дынкин**;

докт. экон. наук **В.Л. Иноземцев**;

канд. ист. наук **А.В. Кортунов**;

докт. экон. наук **В.А. Мау**;

докт. ист. наук, член-корр. РАН **В.В. Наумкин**;

докт. ист. наук, акад. РАН **С.М. Рогов**;

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев** (ученый секретарь)

Авторский коллектив:

докт. ист. наук, член-корр. РАН **В.В. Наумкин** (руководитель коллектива); канд. юрид. наук

А.Г. Аксененок; докт. ист. наук **И.Д. Звягельская**; канд. ист. наук **Т.А. Карасова**; канд. ист.

наук **В.А. Кузнецов**; канд. ист. наук **В.В. Попов**; докт. ист. наук **М.А. Сапронова**; докт. ист.

наук **П.В. Стегний**; канд. экон. наук **А.О. Филоник**; канд. ист. наук **П.В. Шлыков**

Выпускающие редакторы:

канд. полит. наук **И.Н. Тимофеев**; канд. полит. наук **Т.А. Махмутов**; **Л.В. Филиппова**;
А.М. Елисеев

В докладе представлен комплексный анализ событий, происходящих сегодня в арабском мире. По мнению ряда экспертов, наблюдаемые изменения могут представлять собой первый этап системной трансформации региона, которая будет продолжаться еще несколько десятков лет. С одной стороны, это предопределяет такие важные черты создавшейся ситуации, как ее неопределенность, изменчивость, волатильность. В результате и внешним, и региональным игрокам трудно предсказать развитие событий. С другой стороны, пока еще не наступила стабилизация и результаты «тектонического сдвига» неизвестны, внешние игроки имеют возможность в какой-то мере влиять на события и иногда даже прогнозировать и направлять их развитие в нужное им русло.

Доклад подготовлен в рамках проекта «Ближний Восток: политическая динамика и интересы России» Российского совета по международным делам (РСМД).

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Россия и большой Ближний Восток / [В.В. Наумкин (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: Спецкнига, 2013. — 52 с. — ISBN 978-5-91891-219-5.

© Авторский коллектив, 2013

© Составление и оформление. НП РСМД, 2013

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
I. «АРАБСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ» — ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ.	5
1. Характер трансформации	5
2. Модели изменений	6
3. Новые политические элиты	8
4. Перспективы развития ситуации	10
II. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	12
1. Глобальные и региональные игроки	12
2. Ближневосточный конфликт	18
III. РОССИЯ И РЕГИОН	23
1. Трудности адаптации и проблемы взаимного восприятия	23
2. Угрозы и вызовы	26
3. Политика в отношении сирийского кризиса	31
IV. РОССИЯ И АРАБСКИЙ МИР В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ	35
1. Предпосылки и существующий уровень сотрудничества	35
2. Россия: потенциал и намерения	36
3. Готовность арабского мира	37
4. Возможности и перспективы российско-арабского сотрудничества	38
V. ПРЕДЛОЖЕНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ.	43

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних двух лет в арабском мире продолжается процесс коренных политических изменений, который на сегодняшний день уже привел к смене политических режимов в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене, вводу саудовских войск в Бахрейн, гражданской войне в Сирии, реформам в Марокко и Иордании.

В зависимости от ракурса рассмотрения происходящее интерпретируется как новое «Арабское пробуждение», «Арабская весна», волна модернизации арабского мира или его демократизации. Все эти определения подчеркивают разные стороны одного процесса обновления региона и вовлечения в политику тех слоев населения и политических сил, которые до того были от нее отчуждены.

Подобные по мощности и глубине воздействия перемены (реформы, революции и восстания 1919–1920-х гг., революции и перевороты 1950–1960-х гг.) ранее приводили не только к появлению новых государств и режимов, но и к изменению политической архитектуры арабского мира в целом.

Как полагает немалое число экспертов, происходящие сегодня события являются лишь первым этапом системной трансформации региона, которая может продолжаться еще несколько десятков лет.

С одной стороны, это предопределяет такие важные черты создавшейся ситуации, как ее неопределенность, изменчивость, волатильность. В результате и внешним, и самим региональным игрокам трудно предсказать развитие событий хотя бы на ближайшую перспективу. С другой стороны, пока еще не наступила стабилизация и результаты «тектонического сдвига» неизвестны, внешние игроки имеют возможность в какой-то мере влиять на события и иногда даже прогнозировать и направлять их развитие в нужное им русло. Однако для этого требуется внимательно анализировать динамично меняющуюся ситуацию.

I. «АРАБСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ» — ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

К концу 2012 г. можно было констатировать, что «Арабское пробуждение» уже привело к: 1) трансформации политических систем ряда государств; 2) выходу на поверхность политической жизни новых элит, прежде всего исламистов; 3) переходу ряда государств в категорию провалившихся; 4) расширению политического участия и распространению электоральной демократии; 5) общей деградации среды безопасности и нарастанию конфликтности, в том числе межконфессиональных и внутриконфессиональных противоречий; 6) переформатированию региональной подсистемы международных отношений; 7) серьезным изменениям в экономике.

1. ХАРАКТЕР ТРАНСФОРМАЦИИ

«Арабское пробуждение» началось с бунта модернизированных слоев населения, преимущественно молодежи, стремящихся к свободе, справедливости, политическому участию, ликвидации бедности, безработицы. Однако неопытность, неорганизованность и относительная малочисленность этих слоев, огромный вес в обществе традиционных, в первую очередь патрон-клиентных отношений, сохранение родоплеменной системы привели к тому, что результатами «восстаний улиц и площадей» воспользовались иные силы, а именно исламистские партии и группировки, выигравшие выборы. Как сказал видный египетский политик Амр Муса, «Братья-мусульмане» (БМ) украли победу у молодежи, поднявшей восстание, в результате которого был свергнут режим Хосни Мубарака¹.

Фактически в арабских обществах, столкнувшихся с вызовами глобализации, потерпела крах или подверглась серьезной эрозии секулярная

¹ Интервью Гассана Шарбаля с Амром Мусой // Аль-Хаят. 25.11.2012

модель государства, в них пошел процесс ретрадиционализации. При этом во многих случаях сохранили свой вес и влияние военные элиты, в течение долгих лет игравшие ведущую роль в управлении государством.

Анализируя происходящую трансформацию, можно выделить три ее модели в зависимости от темпов и масштабов изменений, источников инициатив (сверху или снизу), отношения к политической системе и перспективам развития.

2. МОДЕЛИ ИЗМЕНЕНИЙ

2.1. Первая модель. Реформы

В этом случае изменения происходят посредством инициированных властью конституционных и законодательных реформ. В первую очередь это касается Марокко и Иордании, в меньшей степени — государств Персидского залива и Алжира. В Марокко была провозглашена новая конституция, в Иордании приняты поправки к старой. В обоих случаях речь шла о либерализации закона о выборах, расширении полномочий парламента (и, соответственно, ограничении власти монарха), расширении пространства свобод (гарантиях для прессы, создании органов по защите прав человека) и усилении независимости судебной власти. Умеренная исламская Партия справедливости и развития выиграла состоявшиеся в ноябре 2011 г. выборы. Правда, через несколько месяцев после провозглашения реформ в Марокко правительство свело часть сделанных уступок на нет².

Можно обозначить следующие основные условия, сделавшие эту модель трансформации (при всех отклонениях) возможной:

1) безусловная легитимность власти, изначально присущая монархиям (характерно, что ни в Марокко, ни в Иордании, ни тем более в Саудовской Аравии не звучало антимонархических лозунгов, лишь в ноябре в Иордании впервые зазвучали призывы об отстранении короля от власти);

2) наличие финансовых ресурсов;

3) относительная молодость марокканского и иорданского политических лидеров, позволяющая им отвечать на запросы протестного (преимущественно молодого) населения на его языке;

4) сосуществование в политической системе современных демократических и традиционных институтов.

² Daley S. In Morocco, signs the old guard never went away // International Herald Tribune. 12.12.2012

2.2. Вторая модель. Революции

В Тунисе и Египте революции, быстро сметая правящие режимы, до сих пор не пошли по пути радикализации и не разрушили до основания существовавшую политико-административную систему, равно как и систему законодательную, что позволило перейти к относительно контролируемому этапу реформ в рамках существовавшего на то время правового поля. Основными условиями, способствовавшими именно такому развитию событий, явились:

1) уровень развития политических институтов (партия «Вафд» существует в Египте с 1919 г., партия «Братьев-мусульман» — с 1928 г., бывшая правящая неодастуровская партия Туниса — с 1934 г.) и наличие хотя бы формальной демократической традиции (несколько десятилетий многопартийности, регулярные выборы);

2) относительно высокая степень модернизированности общества;

3) удержание правящими режимами патрон-клиентных отношений в рамках, которые не позволяли им подрывать функционирование системы;

4) тот факт, что влиятельные силовые структуры дистанцировались от действий правящих режимов, ассоциируя себя с обществом, а не с лидерами (в Египте они стояли над схваткой, в Тунисе — в стороне от нее).

Таким образом, в первой и второй моделях расширение политического участия не выходило за (в одном случае) или было введено (во втором) в институциональные и правовые рамки. Попытки всех антисистемных сил — джихадистов, радикальных салафитов и крайне левых — навязать свою парадигму политического участия потерпели крах в обеих странах.

2.3. Третья модель. Гражданская война

Существенным образом отличается от первых двух модель гражданской войны, реализовавшаяся в Ливии, Сирии и отчасти в Йемене. Свою роль здесь сыграли, конечно, недостаточный уровень развития современных политических институтов, отсутствие или нехватка финансовых средств для нейтрализации протестных настроений и недостаточная легитимность власти.

Однако наиболее важными были три обстоятельства, приведшие к разрыву жесткого сценария:

1. Внешнее (вплоть до вооруженного) вмешательство (Ливия, Сирия) или недостаточно прочное положение власти внутри страны (Йемен), не позволившие правящим режимам подавить выступления.

2. Раскол в обществе, подогреваемый внутренними этно-конфессиональными, родоплеменными и клановыми элитами.

3. Опора режимов на определенные группы из вышеупомянутых элит, получавшие привилегированные права на властные, имущественные и финансовые ресурсы и действовавшие при поддержке силовых структур. В

Сирии оппозиционные настроения созревали уже довольно давно в условиях падения бывшего влияния стоящей у власти партии Баас и затягивания назревших политических реформ.

Третья модель в перспективе может получить развитие и в других частях арабского мира. Прежде всего, в Саудовской Аравии, если королевство по тем или иным причинам окажется неспособным погасить движения протеста с помощью денежных вливаний или создания большого числа рабочих мест на фоне продолжающегося в регионе хаоса и успеха Ирана. К этому может также привести политический кризис, вызванный распрями внутри правящей семьи в условиях болезненной смены поколений правителей.

3. НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ

Вне зависимости от того, по какой модели развивались события в той или иной стране, во всех государствах, переживших «пробуждение», наблюдается выход на авансцену новых сил, не имеющих опыта пребывания во власти. В одних случаях они встроились в существующую элиту, в других — заменили ее или вступили с ней в непримиримую конфронтацию.

Прежде всего, речь идет об исламистах, но, помимо них, также и о светских леволиберальных партиях, и это демонстрирует стержневую проблему сложившейся социально-политической ситуации: отношение различных групп к роли ислама в обществе вообще и в складывающейся политической системе в частности.

При анализе роли исламских группировок следует учитывать, что их в самой общей форме и с немалой долей условности можно отнести к трем основным течениям: «Братьям-мусульманам» (БМ) и родственным им течениям — салафитам и джихадистам. Если БМ, стоящие на платформе приверженности парламентским формам политической борьбы, признают демократические и даже светские процедуры и институты, то вторые выступают за шариатизацию всей политической и законодательной системы, а третьи являются принципиальными противниками любых легальных методов борьбы и готовы использовать террористические методы для достижения политических целей.

Отношения между различными течениями внутри исламизма сегодня порождают больше вопросов, чем дают ответов, но в целом среди экспертов доминируют две противоположных точки зрения. Согласно одной, умеренные исламисты (т.е. БМ и отпочковавшиеся от них структуры) по своим политическим программам ближе к либеральным силам, чем к салафитам: подобно первым они опираются на средние городские слои, демонстрируют прагматизм в политической практике и относятся к исламу как к средству достижения власти. Салафиты же опираются на низшие социальные слои и

более склонны к нерациональной парадигме политического поведения, религиозному идеализму. Согласно другой, умеренные исламисты и салафиты ставят общие задачи, отличаются лишь методами борьбы и, лукавя насчет своих мнимых разногласий, зачастую чуть ли не договариваются о своих действиях — по разным трекам, но во имя одной цели. Такой конечной целью, очевидно, является создание исламского государства. Этой последней точки зрения придерживаются — и активно ее пропагандируют — сторонники светского развития государств региона. Однако, по всей видимости, отношения между двумя основными течениями исламистов до сих пор еще не вполне определились и будут меняться в дальнейшем. На состоявшихся после революций в Египте и Тунисе выборах исламисты победили в силу понятного большинству населения популизма политических программ, приобретенного за долгие годы образа жертв, и того, что сумели объединить под своими знаменами весь консервативно настроенный электорат. В будущем же следует ожидать более явного их размежевания на прагматиков и идеалистов, причем и те и другие могут обнаружиться как среди умеренных, так и среди салафитов.

В этом политическом раскладе не до конца понятными остаются перспективы светских сил — как левых, так и либеральных. Присущая всем им слабость, плохая организованность, неумение и нежелание упрощать свою политическую риторику для завоевания популярности среди масс, а также излишняя вестернизированность делают их аутсайдерами политического процесса. Однако их поддерживает интеллектуальная и профессиональная элита арабских обществ, зачастую идейно ассоциирующая себя с Западом. Необходимость привлечения этих слоев к управлению государством заставляет умеренных исламистов искать союза с либеральными, а то и с левыми силами. Вместе с тем иногда взаимоотношения между ними могут приобретать характер острой конфликтности, как во время событий в Египте в конце ноября — начале декабря 2012 г., когда президент Мухаммед Мурси решил присвоить себе особые полномочия и столкнулся с противодействием не только либералов и левых, но и влиятельной судейской корпорации, значительной части средств массовой информации и даже некоторых сотрудников внешнеполитического ведомства.

Следует отметить, что на руку либералам и левым, как это ни парадоксально, может оказаться даже сам факт победы исламистов на первых после революций выборах. Но они смогут потеснить исламистов лишь при следующих обстоятельствах. Во-первых, если новые власти не сумеют решить стоящие перед ними сложнейшие социально-экономические задачи. Во-вторых, если они уже в ближайшей перспективе пойдут на столь резко непопулярные шаги, что часть их электората станет поддерживать оппозиционные силы. В-третьих, если они не смогут поставить под свой контроль институты, долгое время оберегавшие от потрясений прежние режимы, или хотя бы

договориться с ними. Это в первую очередь силовые структуры: армия, полиция, силы безопасности. Они в весьма значительной мере сохранили свои позиции и влияние даже там, где пришли к власти новые силы. Показательно, что во время недавнего вышеупомянутого столкновения противостоящих сил в Египте армия внешне сохраняла нейтралитет, стремясь не вмешиваться в ход событий, и лишь на более позднем этапе ультимативно потребовала от противостоящих сторон вступить в диалог.

4. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ

В реформистской и революционной (или повстанческой, в том числе и навязанной извне) моделях трансформации в долгосрочной перспективе произошедшие изменения должны способствовать устойчивости политического и социально-экономического развития. Это объясняется тем, что по мере демократизации политической системы растет легитимность власти, увеличивается внутренний суверенитет, а правительство вынуждено все в большей степени ориентироваться на непосредственные запросы населения. Вполне вероятно, что новая политическая архитектура этих обществ будет вполне гармонизирована с их цивилизационной идентичностью, иначе говоря, в нее более последовательно, чем прежде, инкорпорируются традиционные социальные институты и ценности, что обеспечит некую устойчивость, особенно необходимую в сезон перемен, и относительную, пусть и шаткую, стабильность. В случае успешного преодоления текущих рисков наиболее вероятной моделью развития этих государств станет нелиберальная демократия, в которой формально демократические институты и процедуры (прежде всего электорального и парламентского характера) будут сочетаться с нелиберальной системой ценностей.

Однако «пробудившиеся» государства сталкиваются с серьезными проблемами, решения которых будет трудно добиться даже в среднесрочной перспективе. Это, в частности:

1. Большие экономические ожидания населения, которые практически трудно удовлетворить без мощной внешней помощи, которая вряд ли может быть оказана в таких масштабах.

2. Отсутствие управленческого опыта новых властей в Египте и Тунисе и недоверие к ним значительной части креативного класса.

3. Тот факт, что изменения произошли под диктатом «улицы», который приводит к росту популярности этих прямых форм давления на власть, маргинализирующих формы легитимного воздействия.

В результате ситуация в регионе (в Ливии, Сирии, Ираке) может привести к выплескиванию конфликтов за рамки отдельных государств и

распространению нестабильности в региональном или субрегиональном масштабе.

Для успешного ответа на эти вызовы новые режимы прибегают к использованию следующего политического инструментария:

1. Иностранной помощи со стороны региональных и глобальных игроков. Она может способствовать удержанию власти победителями «пробуждения», однако в определенной ситуации грозит стать контрпродуктивной.

2. Расширения своей социальной базы через заимствование постулатов прагматизма. Имеет значение и быстрота прагматизации самого социума: если проголосовавший за умеренных исламистов электорат увидит, что они неспособны решить социально-экономические проблемы, решит ли он сделать ставку на светские силы или, наоборот, придет к выводу о необходимости более глубокой исламизации и примкнет к электорату радикалов-салафитов. Пока что в странах, переживших слом режимов, электорат продемонстрировал симпатию скорее к идеалистическому популизму, нежели к чисто религиозному или рациональному дискурсу. Неясно, окажутся ли умеренные исламисты готовыми уступить власть или поделиться ею и, следовательно, подтвердить свою однозначно декларируемую приверженность демократическим принципам в результате своего возможного поражения на следующих выборах. В этом контексте не внушает оптимизма характерная для исламистов убежденность в том, что власть в конечном счете дарована им Богом.

3. Вступления в альянсы с другими силами, пока соперничающими с ними и настороженно относящимися к попыткам новых режимов узурпировать властные полномочия. В том же Египте среди светских интеллектуалов господствует мысль о том, что способность БМ в одиночку справиться с управлением столь сложной и огромной страной лишь иллюзия.

II. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В «Арабское пробуждение» оказались вовлеченными как региональные неарабские, так и глобальные акторы, усилилось влияние событий, происходящих на Арабском Востоке, на весь макрорегион. В частности, стала просматриваться перспектива формирования пояса нестабильности на всей территории от Средиземного моря до Ирана, распространение турбулентности на маргинальные по отношению к Ближнему Востоку и Северной Африке страны (регион Сахеля после ливийских событий). Стала более динамичной политика глобальных акторов в отношении Ближнего Востока. Изменился баланс сил между региональными арабскими и неарабскими, а также глобальными акторами. Трансформировались роль и место ближневосточного конфликта в региональном эквilibриуме.

1. ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИГРОКИ

В ходе событий наметилось снижение влияния на регион таких глобальных игроков, как США и ЕС. Застигнутые врасплох «Арабским пробуждением», и те и другие в первые месяцы проявили явное замешательство, которое впоследствии сменилось курсом на активную поддержку повстанческих движений, смену режимов (за исключением Бахрейна), в том числе с помощью прямого силового вмешательства, и выстраивание отношений с новыми политическими силами. Вместе с тем внешнеполитический курс США, направленный на сокращение их военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке, и внутренний кризис в ЕС, наряду с имеющимся негативным опытом политического «инжиниринга» путем военного вмешательства (Ирак, Афганистан, Ливия) и общей непредсказуемостью ситуации в регионе, приводят к нежеланию глобальных игроков брать на себя всю ответственность за будущее арабского мира. В то же время настойчивое

стремление Запада вместе со странами «суннитской оси», в первую очередь Турцией, Саудовской Аравией и Катаром, любой ценой свергнуть сирийский режим во главе с Башаром Асадом находилось в явном противоречии с базовыми интересами США, других западных стран и Израиля, стратегического союзника США, угрозой для которых был легко прогнозируемый приход к власти в Дамаске (в случае падения светского режима) радикальных исламистских группировок.

Стремясь любой ценой заполучить достаточное число аргументов для разжигания вооруженного мятежа против режима Б. Асада и продолжая линию на демонизацию сирийского лидера, западные державы в декабре 2012 г. начали муссировать миф о намерении Асада прибегнуть к «использованию химического оружия против собственного народа»³, хотя тот неоднократно заявлял, что не сделает этого ни при каких обстоятельствах. Кроме того, такой безумный шаг не только не помог бы ему выиграть войну с повстанцами, но и фактически превратил бы его в изгоя в международном сообществе. В западной прессе даже появились ложные утверждения о том, будто его отец Хафез Асад использовал химическое оружие при подавлении восстания «Братьев-мусульман» в Хаме в 1982 г. Однако нам известны только два случая применения химического оружия на Арабском Востоке. Первым случаем было использование его англичанами в ходе Первой мировой войны в 1917 г. против турок на Синайском полуострове⁴, вторым — применение отравляющих веществ Саддамом Хусейном против восставших жителей курдского селения Халабжа. Истерика по поводу химического оружия явно могла рассматриваться как прелюдия к вооруженному вмешательству.

На фоне «Арабского пробуждения» возрос вес региональных держав, прежде всего Турции, Ирана, Израиля, Саудовской Аравии, Катара. Не обладая общепризнанным статусом региональных центров силы и соперничая друг с другом за приобретение подобного статуса, они стремятся заручиться международной поддержкой и оказывать влияние на страны, ставшие ареной политической турбулентности и внутреннего противостояния. Несколько возросла и роль региональных (Лиги арабских государств, Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива) и международных организаций (Организации исламского сотрудничества, Движения неприсоединения, Организации Объединенных Наций).

³ США: Сирия может применить химоружие против народа // Би-би-си, Русская служба. 4.12.2012. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/12/121203_syria_chemical_weapons.shtml

⁴ Об этом неудобном факте в западной прессе не принято вспоминать, однако недавно о нем напомнил известный журналист Роберт Фиск (Fisk R. The truth about chemical weapons and who may or may not have them // The Independent. 08.12.2012)

1.1. Саудовская Аравия и Катар

Правители Саудовской Аравии и Катара, пока избежав революционных потрясений, оказали финансовую, информационную и даже военную поддержку протестным и повстанческим движениям в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии. Этот курс объясняется рядом объективных и субъективных обстоятельств, причем последние особенно существенны, поскольку определяемая чрезвычайно ограниченным кругом лиц внешняя политика арабских государств Персидского залива очень персонифицирована.

Среди объективных обстоятельств наиболее существенным является соперничество аравийских монархий с Ираном и опасения относительно роста иранского влияния в регионе и иранской ядерной угрозы. Это в значительной мере побуждает государства Залива тратить огромные ресурсы на поддержку сил, вступивших в войну с режимом Асада в Сирии.

Среди субъективных — стремление к повышению своего статуса и идеологизированность внешней политики, приводящая к повсеместной поддержке исламистских сил различной ориентации: для Катара — преимущественно «Братьев-мусульман», для Саудовской Аравии — салафитов. Первоначальный необыкновенный успех деятельности принадлежащих Катару и Саудовской Аравии спутниковых каналов — «Аль-Джазиры» и «Аль-Арабийи» — вызвал своеобразное «головокружение от успехов» в правящих семьях монархий Залива.

Активное заигрывание государств Залива с исламистами может иметь для них опасные последствия, особенно ввиду предстоящей смены власти в Саудовской Аравии. Правящая там консервативная династия не рассматривается в качестве союзницы не только джихадистами, но и салафитами. Другие монархии Залива опасаются даже экспансии БМ, угрожающих потеснить монополию правящих семейств на власть. Это в первую очередь относится к Кувейту и ОАЭ. Правоохранительные органы последних даже предприняли репрессивные меры против БМ.

1.2. Турция

Не меньшую активность, чем государства Залива, в ближневосточных процессах проявляет Турция. «Арабское пробуждение» произошло после фактической переориентации ее внешнеполитического курса на регион в рамках политики Ахмета Давутоглу «ноль проблем с соседями» и позволило придать ей новые формы и идеологическое наполнение. На протяжении 2011–2012 гг. Турция позиционировалась и Западом, и умеренными исламистами как возможная модель развития для Туниса, Египта и Ливии: современное государство с правящей исламистской партией, признающей секулярный характер государства, руководствующейся принципами рыночной экономики и последовательно внедряющей элементы демократии.

Однако политика «ноль проблем с соседями» явно потерпела крах. Отношения с ближайшими соседями либо не улучшились, либо серьезно ухудшились: с Израилем, Ираном, Арменией, в определенном смысле с Азербайджаном, с Кипром, Грецией, а также дальними партнерами — Францией и Германией. «Образцовость» Турции для арабских стран также вызывает большие сомнения ввиду принципиально иной политической культуры и архитектуры власти.

Кроме того, ближневосточная активность Турции приводит к негативным последствиям внутри государства. В Турции существует тесная взаимосвязь внутривластной борьбы с колебаниями и коррекциями внешнеполитического курса. В качестве сдерживающих факторов политики Партии справедливости и развития (ПСР) на ближневосточном направлении (в том числе и дальнейшей эскалации вовлеченности в сирийские дела) выступили ослабленная военная элита и политические оппоненты, в первую очередь Народно-республиканская партия, подвергающая резкой критике сирийскую политику лидеров ПСР.

Вероятность негативного для Анкары сценария на сирийском направлении весьма высока на фоне гуманитарной катастрофы, вызванной нарастающим потоком беженцев на юго-востоке страны, недовольства алавитского меньшинства, учащения вооруженных столкновений, притока радикалов, обострения курдской проблемы. При неблагоприятном развитии событий популярность правящего режима серьезно снизится в силу высокой волатильности турецкого электората. Близость выборов потребует от ПСР большей осторожности и продуманности своих шагов (не так давно уже зазвучали призывы «нажать на тормоза»), а также, вероятно, и коррекции политического курса.

1.3. Иран

Еще одной силой, претендующей на роль регионального гегемона, является Иран. С воодушевлением воспринявшее революции в арабском мире иранское руководство поначалу рассматривало их как некие аналоги исламской революции в Иране 1979 г. и, подобно турецким лидерам, позиционировало свой режим как модель для победителей «Арабского пробуждения». Стремясь усилить свои позиции, руководство ИРИ смогло улучшить отношения с Египтом благодаря позиции новых властей страны, заявивших о необходимости нормализации отношений с Тегераном⁵. Однако положение Тегерана стало осложняться вследствие кризиса в Бахрейне и особенно из-

⁵ 30 августа 2012 г. президент Египта Мурси принял участие в саммите Движения неприсоединения, состоявшемся в Тегеране. Это был первый визит главы египетского государства в Иран после разрыва дипломатических отношений между ними в 1979 г. В дополнение, 5 февраля 2013 г. президент Ирана впервые с 1979 г. прибыл в Египет для участия в саммите Организации исламского сотрудничества.

за резкого обострения сирийского кризиса. Тегерану было ясно, что если режим Асада падет, Иран лишится своего единственного союзника в регионе, кроме того, под серьезную угрозу будут поставлены позиции дружественного ему правительства Нури аль-Малеки в Ираке и союзной с ним партии «Хизбалла» в Ливане.

Одновременно с этим усиление международной изоляции Ирана и рост негативного влияния санкций, осложняющих социально-экономическую обстановку, поставили на повестку дня вопрос о необходимости договоренностей с Западом. В настоящее время в Иране ослабевают надежды на разрешение вопроса «ядерного досье» в рамках 5 + 1 и все чаще высказываются мнения о необходимости установления контактов с США. Часть религиозно-политического руководства ИРИ осознает, что реальные шаги можно будет предпринять после президентских выборов (июнь 2013 г.), и в настоящее время подыскивается кандидатура, которая могла бы вызвать доверие Запада. В определенных кругах значителен интерес к развитию контактов с государствами Запада. Успех этого замысла будет иметь благоприятные перспективы для наращивания индустриального, ресурсного и человеческого развития Ирана, что будет способствовать его превращению в региональную супердержаву.

В случае же дальнейшего ужесточения позиций США и ЕС по отношению к Ирану и отказа пойти на какие-либо уступки может произойти радикализация религиозных настроений внутри страны, консолидация борющихся за власть политических элит вокруг духовного лидера, следствием чего станет концентрация всех сил и средств для противостояния «врагам» ИРИ.

1.4. Египет

Вероятно, игроком регионального масштаба может стать постреволюционный Египет. Власти, озабоченные безопасностью и стратегическими интересами своей страны, пытаются вернуть Египту прежнюю лидирующую роль на Ближнем Востоке, которая существенно ослабла в последний период правления Х. Мубарака. В качестве новых принципов внешней политики революционного Египта были продекларированы независимость, отказ от участия в каких-либо блоках и пересмотр характера прежних отношений с некоторыми странами (в частности с Ираном).

Мухаммед Мурси мастерски сыграл в кризисной ситуации ноября 2012 г. вокруг сектора Газа. С одной стороны, он повысил международную репутацию режима и себя лично, выступив в роли посредника, сумев в немалой мере развеять опасения Запада относительно состояния и перспектив египетско-израильских отношений. С другой стороны, он отвлек население от уже имеющихся и будущих неудач во внутренней и социально-

экономической политике, обратившись к чувству патриотизма и гордости за страну. Этот внешнеполитический успех сделал возможными дальнейшие политические шаги президента, направленные на укрепление его власти. Он несколько переоценил свои силы, поторопившись присвоить себе особые полномочия, что вызвало решительные протесты блока либеральных, светских и левых сил, вновь выведших своих сторонников на улицы. Возникшие беспорядки показали, что о стабилизации обстановки в этой самой крупной стране Арабского Востока говорить пока преждевременно, несмотря на успех в получении одобрения народом подготовленного властью проекта конституции на декабрьском референдуме, что и прогнозировалось большинством аналитиков и экспертов.

1.5. Израиль

Израиль занимает в ближневосточном регионе особое место. В силу исторических, культурно-цивилизационных и политических факторов Израиль в глазах мусульманского мира всегда считался чужеродным элементом, страной-изгоем. Вместе с тем до недавнего времени у него установилась некая достаточно стабильная система взаимоотношений с арабскими соседями. Ситуация в регионе внесла коррективы в региональную политику правительства. Ранее израильтяне полагали, что потенциальные угрозы террористических акций исходят с трех основных направлений: Ливана, Сирии и сектора Газа. В свете последних событий у них появились серьезные опасения, что теперь им, возможно, предстоит иметь дело и с четвертым фронтом, который сопоставим с другими тремя вместе взятыми, — Египтом. Особо пессимистически настроенные политики предсказывают изматывающие террористические акции и обстрелы с четырех сторон по границам Израиля, предполагая, что израильское общество не сможет ни морально, ни физически, ни экономически вынести состояние такого перенапряжения.

Но главным стратегическим противником Израиля сегодня считается Иран, и это противостояние является основным содержательным моментом региональной стратегии израильского государства. Несмотря на то что перспективы реального ядерного удара Ирана по Израилю выглядят сомнительными, нельзя окончательно исключать решительных шагов со стороны Тель-Авива вплоть до превентивной военной операции.

Израиль теряет опору в регионе, сталкиваясь с новой волной враждебности. Усиливается изоляция еврейского государства на международной арене. Заметное сокращение возможностей внешних держав, в первую очередь Соединенных Штатов, определять тенденции и события в ближневосточном регионе способствует углублению изоляции Израиля. Политически мотивированное насилие, направленное против Израиля и США, грозит усилиться.

Ухудшив отношения с Египтом и Турцией, Израиль старается компенсировать нанесенный этим ущерб поиском новых союзников — продолжает активно укреплять отношения с Россией, со странами Балканского полуострова, Грецией и Кипром, ищет сближения с Саудовской Аравией и ее соседями по Персидскому заливу, а также с Азербайджаном.

Главным внутривнутриполитическим результатом событий для Израиля является линия на ужесточение оборонной политики и готовность принять в случае необходимости предельно жесткие меры.

2. БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ

В комплексе российских интересов на Ближнем Востоке деятельность по урегулированию конфликта (БВК) играет для нее существенную инструментальную роль. Участие в ближневосточном урегулировании в рамках международного квартета посредников, несмотря на все большую рутину и крайне незначительную отдачу, дает России возможность успешного взаимодействия с США и ЕС, с которыми по другим ближневосточным и не ближневосточным вопросам возникает все больше противоречий. Кроме того, участие в урегулировании традиционно подтверждает статус ведущей мировой державы.

Если сравнивать влияние ближневосточного конфликта и «Арабской весны» на безопасность России, то нестабильность и стратегическая неопределенность, порожденные событиями в арабском мире, все же представляют собой куда более серьезный вызов, чем неурегулированность палестинской проблемы, несмотря на периодическое обострение ситуации вокруг Газы. Собственно, столкновение Израиля с движением ХАМАС и «Исламским джихадом» в ноябре 2012 г. показало, что с точки зрения безопасности Израиля ущерб минимизируется за счет использования системы противоракетной обороны «Железный купол», эффективно действующей против ракет палестинцев. При ее дальнейшей модернизации баланс сил в регионе может радикально измениться. Израильское правительство сможет гарантированно защитить собственное население от ракетных обстрелов, а иного оружия у палестинцев нет.

Тем не менее нельзя отрицать, что процессы радикализации исламского мира, давно вышедшие за пределы Ближнего Востока, а также его мобилизация разворачиваются на фоне палестинской проблемы. Проблема БВК является политическим инструментом как для элит в арабских государствах, в Иране и Турции, так и для арабской «улицы», легко воспламеняемой и против собственных правителей, и против держав, которые, по ее мнению, поддерживают отношения с Израилем или могут быть в этом заподозрены.

Деятельность и в самой России, и в Центральной Азии партии «Хизбат-Тахрир аль Ислами» (ХТИ), созданной в 1953 г. в Иерусалиме и привнесшей новую для наших обществ ближневосточную повестку дня, представляет собой угрозу для светской государственности и приводит к обострению межконфессиональных и внутриконфессиональных трений. Ближневосточный конфликт имеет для РФ и внутривосточное измерение, поскольку в Израиле и в арабских странах проживает много российских граждан, защита прав и безопасности которых является одной из составляющих российской внешней политики в регионе. Отношение к арабо-израильскому конфликту части российского населения, политических групп и экспертного сообщества отражает существенно сузившееся, но все же сохранившееся восприятие Ближнего Востока и ближневосточного конфликта как арены противостояния проискам Запада, нацеленным на сокращение российского влияния на международной арене, на ее вытеснение из имеющих для нее приоритетную значимость регионов и сфер деятельности.

Механизмом урегулирования по-прежнему остается международный квартет посредников (США, ООН, ЕС и РФ). Сегодня со всех сторон в его адрес раздается резкая критика, а деятельность представителя квартета Тони Блэра оценивается как совершенно бесполезная⁶. Пока альтернативы квартету нет, но все острее чувствуется потребность в новых подходах к его работе. Среди выдвигаемых экспертами предложений стоит отметить идею о расширении состава его участников, в частности за счет государств БРИКС — вместе или по отдельности.

На фоне «Арабского пробуждения», выборов в США и Израиле, экономических проблем в ЕС арабо-израильский конфликт постепенно отходил на второй план. В определенной мере это связано и с затуханием процесса Осло, который исчерпал себя, а потребность в новых подходах и идеях пока остается неудовлетворенной. С января 2012 г., когда в Аммане по приглашению иорданской стороны состоялось заседание спецпредставителей квартета с участием глав израильской и палестинской переговорных команд Исаака Мольхо и Саиба Орейката, никаких сдвигов в урегулировании не произошло.

Израильское правительство не выражает заинтересованности в переговорном процессе, результатом которого могло бы стать возвращение территорий, эвакуация поселений и компромисс по Иерусалиму. Эта тенденция, скорее всего, сохранится с учетом победы на выборах в январе 2013 г. объединения «Ликуд» — НДИ, что дает возможность Нетаньяху вновь занять пост премьер-министра.

⁶ Английский журналист Мэтью Калман так назвал свою недавнюю статью в «Индепендент»: «Бесполезен, бесполезен, бесполезен – палестинский вердикт по Тони Блэру» (Kalman M. Useless, useless, useless: the Palestinian verdict on Tony Blair // The Independent. 16.12.2012)

В сложившейся тупиковой ситуации не получил своего развития начавшийся было процесс примирения между движениями ХАМАС и ФАТХ и перспектива создания общего правительства. Новые элементы в ситуацию привнесло решение ГА ООН о предоставлении Палестине статуса государства – наблюдателя ООН, однако и его не стоит переоценивать. С точки зрения израильских лидеров, формальное признание способно укрепить пошатнувшиеся позиции Аббаса, но никак не может изменить положения на Западном берегу. Неприятности может сулить обращение палестинцев с жалобами в Гаагский суд, но и в этом случае от международного сообщества трудно ждать серьезных антиизраильских мер. Тем более что о своей негативной позиции в отношении признания Палестины ясно заявили США.

Непосредственная реакция израильского правительства выглядела как попытка применения политических и экономических «репрессалий» против Палестинской национальной автономии (ПНА), но они имеют свои пределы, поскольку Израиль, продолжая оккупировать территории, не просто реализует то, что считает якобы своим правом, но и вынужден выполнять комплекс обязательств, обеспечивающих жизненные потребности палестинского общества на Западном берегу.

В сложившихся неблагоприятных условиях все же существуют опции на международном и региональном уровнях, которые не дали бы процессу урегулирования окончательно заглухнуть.

Внимание экспертов по Ближнему Востоку все больше привлекает возможность создания специальной комиссии ООН, которая состояла бы из авторитетных и узнаваемых лиц, посещающих регион для того, чтобы в ходе регулярных встреч определить, какая модель урегулирования является наиболее приемлемой для большинства израильтян и палестинцев. Тогда после открытых и прозрачных слушаний будет возможно составить план урегулирования и передать его в СБ ООН, который, в свою очередь, представит его правительствам. Речь идет о параллельной дипломатии при поддержке ООН и о вовлечении в процесс урегулирования непосредственно граждан. Опыт гражданской дипломатии в России имеется, и он мог бы быть использован в данном случае. Конечно, на этом пути будет немало трудностей, но обеспечение поддержки населением возможных компромиссов может заставить правительства принять новую формулу возобновления переговоров. Непредвзято зафиксированное общественное мнение важно еще и для того, чтобы и в ООН, и в квартете были данные постоянного мониторинга, а решения не принимались на основе сообщений средств массовой информации. Наконец, неудача на этом пути не влечет за собой репутационных потерь.

В качестве оптимального варианта заслуживает рассмотрения осуществление этой идеи в двустороннем российско-американском формате, т. е.

путем создания комиссии под руководством таких авторитетных политических фигур, как Е.М. Примаков с российской стороны и Билл Клинтон или Генри Киссинджер с американской⁷.

Можно было бы вернуться к промежуточным шагам, которые предусматривала дорожная карта. Поскольку территориальный элемент в переговорах играет важную роль, то в зоне С на Западном берегу можно было бы передать часть территории под палестинское управление.

Российской дипломатии вряд ли стоит по-прежнему выдвигать идею созыва международной конференции. Важным направлением ее политики на Ближнем Востоке могла бы стать деятельность по поддержке и организации общественных усилий, внедрению российских НКО, способных обеспечивать мониторинг ситуации, контакты с вовлеченными в конфликт сторонами и каналы влияния. Это направление политики у России практически отсутствует. Основной упор делается на официальные каналы. Они, безусловно, имеют приоритетное значение, но, к сожалению, при отсутствии видимого результата (как это часто бывает на Ближнем Востоке) способны девальвировать ценность контактов.

Желательно более четко акцентировать осуждение Россией обстрелов мирного населения с целью причинения ему наибольшего ущерба. Обычно за такими осуждениями следует столько оговорок, что для простых граждан в Израиле взвешенный характер российских заявлений выглядит как прямая поддержка любых действий движения ХАМАС и Ирана.

Создается впечатление, что, проводя свою линию в СБ ООН, мы по старой памяти все еще предпочитаем «продавливать» свои решения, чтобы заставить считаться со своей позицией. Проблема состоит в том, что далеко не всегда эта позиция воспринимается другими членами СБ ООН как единственно верная, и Россия порой оказывается в одиночестве. Очевидно необходима большая работа над компромиссными вариантами, не лишаящими Россию собственных взглядов и подходов, но одновременно позволяющими ей оставаться важным игроком «команды по урегулированию».

Сегодня Россия пока еще не в состоянии выступать с собственными инициативами на Ближнем Востоке в связи с ограниченными финансовыми и иными ресурсами, несмотря на хорошие отношения со всеми сторонами. На деле в контексте крайне сложного и противоречивого процесса урегулирования различные политические векторы порой приходят в противоречие друг с другом.

В начале ноября 2012 г. Махмуд Аббас привлек к себе внимание благодаря интервью, которое он дал второму каналу израильского телевидения.

⁷ Такая идея поддерживается рядом влиятельных американских экспертов.

В нем он заявил, что, хотя и является беженцем из Сафада, откуда его семья выехала в 1948 г., считает, что имеет право посетить этот город, но не жить там, а землей Палестины считает территорию, завоеванную Израилем во время Шестидневной войны в июне 1967 г. Остальную территорию он признает за Израилем. Это заявление фактически явилось косвенным отказом от одного из главных требований палестинцев к Израилю — признать право палестинцев на возвращение. Кроме этого, на вопрос о возможности новой, третьей интифады он ответил, что, пока является главой Палестинской автономии, никакой новой интифады не будет⁸. Заявление Аббаса вызвало протесты у многих палестинцев, в том числе у движения ХАМАС. Ясно, что отчаянная попытка Аббаса склонить израильское руководство к примирению была одновременно и попыткой заручиться международной поддержкой плана признания независимости палестинского государства. Как известно, 29 ноября 2012 г. Генеральная Ассамблея ООН подавляющим большинством приняла Палестину в качестве государства-наблюдателя в ООН. Лидеры ХАМАС позитивно отозвались об этом решении, поддержав Аббаса. Однако в ходе своей впервые осуществленной в декабре 2012 г. поездки в Газу лидер ХАМАС Халед Машааль фактически дезавуировал компромиссную позицию Аббаса (равно как и свои прежде просматривавшиеся уступки), заявив, что ХАМАС не поступится ни пядью палестинской земли и не признает Израиль⁹. Трудно сказать, были ли его заявления популистской риторикой или возвращением к прежнему жесткому курсу. Это и сам факт символического принятия Палестины в ООН были болезненно восприняты в Израиле.

Хотя надежд на мирное урегулирование немного, однако не все шансы потеряны.

С учетом этих обстоятельств России необходимо усилить внимание к ближневосточному урегулированию, а также к ближневосточному квартету, реалистически относиться к его возможностям и предпринимая усилия для повышения его эффективности.

В целом ближневосточное урегулирование, несмотря на понижение внимания к нему, остается одним из приоритетов международного сообщества. Нашей стране также необходимо оставаться в этом процессе, активизируя свою роль в доступных и реалистичных пределах.

⁸ Несмотря на заявления Аббаса, израильские политики и военные заявляли о подготовке к третьей интифаде. См.: Тильхами А. Израиль... татауаккаа интифада салиса...(Израиль... ожидает третью интифаду...) // Аль-Хаят. 11.12.2012

⁹ Саббах Ф. Машааль йахтатиму зияратаху Газза би-т-ташдид аля аль-мусалаха (Машааль завершает свой визит в Газу ужесточением позиции в отношении примирения) // Аль-Хаят. 11.12.2012

III. РОССИЯ И РЕГИОН

1. ТРУДНОСТИ АДАПТАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Адаптация международного сообщества к резко изменившейся ситуации на Ближнем Востоке проходит с большими трудностями и острыми политическими «сшибками» — между самими региональными игроками, Россией и КНР с одной стороны и Западом — с другой, в меньшей степени — между различными западными государствами.

Немалое число экспертов полагают, что Соединённым Штатам и Европе удалось быстрее приспособиться к новым реалиям региона. Однако это не означает, что их политический подход ко всему комплексу нынешних региональных проблем достаточно просчитан, дальновиден и в конечном счёте отвечает собственным интересам Запада. Расчёт, в частности США, на то, что им удастся приобрести политический капитал, солидаризовавшись с арабскими революциями и переворотами, не сообразуется с тем, как разворачиваются переходные процессы в странах, переживающих трансформацию.

Начало «Арабского пробуждения» не выявило серьезных расхождений в позициях России и Запада, хотя в оценках каждой из сторон были свои нюансы. В отличие, например, от США и Франции, которые во многом из предвыборных соображений начали идеализировать арабские революции, Россия, поддержав справедливые чаяния арабских народов и их права на лучшую жизнь, сделала акцент на недопустимости иностранного вмешательства для смены режимов и необходимости решать проблемы внутренних изменений через политический диалог. В международную повестку дня арабская тема вошла только на волне ливийских и особенно сирийских событий, когда возникшие между Россией и Западом разногласия стали приобретать отчетливо конфликтный характер, при этом заметно выходя за региональные рамки.

Как бы ни сужались возможности внешнего воздействия на хаотичные процессы в регионе, их интернационализация де-факто и отчасти де-юре уже произошла, во многом по инициативе самих арабских государств. В региональном и глобальном плане Россия несёт заметные имиджевые потери, которые могут иметь неблагоприятные последствия для наших политических, экономических и иных традиционных российских интересов в регионе Большого Ближнего Востока. Вместе с тем не стоит преувеличивать масштабы этих потерь, алармистски прогнозируя, как это делают некоторые авторы, надвигающиеся «заморозки» в российско-арабских отношениях.

Нужно учитывать, что на Ближнем Востоке Россию воспринимают как цивилизационно близкое государство, в равной степени принадлежащее Европе и Азии, христианскому и исламскому миру, и не относят ее к миру европейского «сверхсекуляризма», не приемлемого для ближневосточных обществ, особенно в «поствесенний» период¹⁰. В то же время транслируемые Россией ценности: стабильность, социальный мир и социальная справедливость, консерватизм и признание плюрализма путей общественного развития — рассматриваются здесь как присущие ее политическому режиму и обусловленные ее собственным опытом исторического развития.

Исторически российская трактовка универсальных ценностей всегда встречала в арабском мире большее понимание, нежели западная. События «Арабской весны» показали, что либеральный подход с характерным для него подчеркиванием идеи прав индивидуума и гражданских свобод был воспринят лишь активной модернизированной частью ряда арабских обществ, в результате чего наиболее востребованными оказались концепты личной свободы и справедливости.

Но и характерное для нас недоверие к концепциям демократического транзита и выказываемые опасения относительно правозащитной риторики Запада в арабском мире далеко не всегда воспринимаются позитивно. Позиция России в период «Арабского возрождения» часто интерпретируется как косная, сохраняющая наследие холодной войны, пренебрежительная в отношении арабских обществ, которые в такой парадигме оказываются не субъектами, а объектами международной политики, реализации планов глобальных игроков. Этот негатив усиливается традиционной слабостью РФ в информационном пространстве. Вместе с тем последовательное отстаивание Россией собственной независимой позиции вызывает уважение в регионе и дает сигнал о возможности укрепления наших позиций.

¹⁰ Советник премьер-министра Турции и один из главных идеологов Партии справедливости и развития Ибрагим Калын в выступлении перед участниками Стамбульского форума 2012 г. назвал сверхсекуляризм Европы в качестве одной из главных причин того, что европейская модель не может быть приемлемой для исламских обществ.

Источники возникших для нас проблем следует разделить на две группы.

Во-первых, это победа политического ислама в результате свободных выборов и отношение к исламистским силам России и её политического истеблишмента.

Во-вторых, это сирийский кризис и различия в отношении к нему между Россией (поддерживаемой Китаем и некоторыми другими государствами) с одной стороны и странами Запада в союзе с влиятельными региональными державами — с другой.

Очевидно, что нам не избежать контактов с «Братьями-мусульманами», пришедшими к власти в ряде арабских стран или как минимум занявшими видное место в их парламентах и в органах исполнительной власти. При этом следует учитывать два вида вопросов. Во-первых, характер той группы БМ (или вышедшей из их лоно организации), с которой мы имеем дело, — принадлежит ли она к умеренному или более радикальному течению. Во-вторых, вовлечена ли она в деятельность по распространению своего влияния за рубежом и в какой мере эта деятельность угрожает России.

С одной стороны, наши внешнеполитические и внешнеэкономические интересы требуют развития отношений с такими влиятельными государствами, как, к примеру, Египет, и, соответственно, контактов с теми политическими силами, которые правят этой страной. Их исламистская ориентация сама по себе не должна быть препятствием для этого. Ведь поддерживаем же мы тесные отношения с Турцией, в которой также правит партия, своими корнями восходящая к БМ и идеологически близкая к ним. С другой стороны, на этом поле наши внешнеполитические и внешнеэкономические интересы сопряжены с внутривнутриполитическими, и вопрос о том, насколько развитие наших отношений с исламистскими режимами может повлиять на ситуацию в нашем мусульманском сообществе, носит далеко не праздный характер. Но очевидно, что делать нашу внешнюю политику заложницей внутренней политики по меньшей мере неразумно. Ограничение влияния идеологии БМ на российских мусульман должно решаться не с помощью изоляционистских мер, а иными средствами, продолжающееся причисление всех организаций БМ к числу экстремистских только вредит нашим интересам.

При принятии решений по данному кругу вопросов необходимо выработать четкое представление о временной перспективе «Арабского пробуждения». На наш взгляд, это долговременное явление (некоторые эксперты говорят о периоде турбулентности продолжительностью в несколько десятков лет), не случайно сам термин «пробуждение» вызывает аналогию с другой волной массового политического активизма арабских народов, который в прошлом привел к деколонизации. Но если тот активизм носил

национально-освободительный характер, а его носителями выступали светские националисты и левые силы, то активизм 2011–2012 гг. связан в первую очередь со стремлением к обновлению, демократической модернизации, хотя и со своим, «исламским» лицом, и его основными выразителями выступали как исламисты, так и в гораздо меньшей степени либералы. Именно поэтому стремление к модернизации парадоксальным образом приводит и к некоторой архаизации, что неизбежно влечет за собой выход на политическую арену исламистов. Религия заняла освободившуюся нишу, как это происходит и в других случаях, после того как господствовавшие идеологические системы дискредитировали себя. Сегодня линия водораздела проходит по линии «исламизм — секуляризм», и с обеих сторон есть экстремистские проявления этих тенденций, но внутри исламистского блока разгорелось острое противостояние различных течений, которые борются за власть и влияние.

Драматизировать это явление не следует, не стоит и преувеличивать исходящие от него угрозы. Тем более не следует активно экстраполировать «Арабское пробуждение», или «весну», на внутреннюю ситуацию в России и других государствах СНГ. Всякие аналогии между «Арабской весной» и «оранжевыми революциями», активно проводимые в СМИ рядом российских аналитиков и воспринимаемые как отражение нашей официальной точки зрения, не соответствуют национальным интересам России, позиционируя нас как слабое государство, как бы постоянно опасющееся угроз со всех сторон. Мы сильны и без всяких ограничений способны устоять перед теми вызовами, которые может нести «Арабское пробуждение» нам и всему мировому сообществу. Для этого нужна динамичная и креативная политика. Нашим интересам отвечает тщательное и хорошо продуманное выстраивание отношений с новыми режимами и политическими игроками на Ближнем Востоке. Но делать это нужно как можно быстрее, иначе мы упустим имеющиеся возможности.

2. УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ

Конечно, нельзя забывать об угрозах, которые несет с собой усиление исламистов на Ближнем Востоке, для внутренней ситуации в России. Не может не вызывать озабоченности усиливающееся противостояние между приверженцами традиционного (для тюркских народов России ханафитского, для Северного Кавказа также шафиитского и суфийского) ислама с одной стороны и сторонниками салафизма, ваххабизма и идей «Братьев-мусульман» — с другой. Влиянию чуждых нам течений, вредных для российской государственности (к примеру, очень опасной активизации партии «Хизбат-Тахрир иль-Ислами» в Поволжье), необходимо противостоять. Однако неадекватно резкие оценки отдельных представителей аналитических центров, которые

трактуются мусульманами как исламофобские, не всегда содействуют успеху этой работы. В результате деятельность зарубежных миссионеров дополнительно получает нужную им подпитку и давление на нас усиливается.

Слишком напористая риторика большой группы российских политологов, которые, в том числе через федеральные российские каналы, проецируют все происходящее в последние два года на Ближнем Востоке на российскую действительность, делая акцент исключительно на негативных последствиях революционных перемен в регионе, мешают выстраиванию нами прагматичной линии и в отношении зарубежного политического ислама. Примитивное антиамериканское освещение хроники «Арабской весны». Всё это воспринимается в арабском мире как официальная российская позиция и оставляет в общественном мнении арабских стран неприятный осадок. Арабские общественные деятели остро реагируют на то, что движения, которые вызваны преимущественно внутренними причинами (как бы их ни поддерживали извне), выглядят оторванными от национальной почвы, а их лидеры — чуть ли не марионетками внешних сил. Политизированные выступления в ряде российских СМИ, рассчитанные больше на внутреннюю конъюнктуру, диссонируют со взвешенными, тщательно выверенными высказываниями С.В. Лаврова и представителей МИДа, в какой-то мере нивелируя их политический эффект и в определенной мере дискредитируя внешнеполитическую линию государства, реализуемую через МИД.

Хорошо, что и по этому вопросу в нашем обществе развивается разномыслие, но при этом в СМИ должны отчетливо звучать и оценки, которые бы адекватно представляли и поддерживали нашу официальную линию. В отсутствие таковых иные высказывания всегда будут восприниматься как отражение официальных позиций или серьезных разногласий среди лиц, принимающих решения. Всякие обобщающие, резко критические высказывания в адрес «Арабской весны» в российских СМИ тут же подхватываются арабскими, а Россия выставляется как государство, выступающее против любых перемен, даже если они поддержаны массами населения этих стран. В течение последних двух лет нам явно вредили отсутствие координации и некоторая непоследовательность наших внешнеполитических шагов в отношении ближневосточного региона¹¹. Впрочем, ряд экспертов считает, что наша политика в арабском мире стала явно более последовательной с конца 2011 г. На этом фоне надо еще более активно подчеркивать такой

¹¹ В качестве примера эксперты приводят ситуацию, когда наш министр иностранных дел на определенном этапе развития ливийского кризиса говорил, что Москва полностью полагается на поддерживаемую российским руководством инициативу Организации африканских государств и не будет предпринимать собственных инициатив, а в Ливию тут же поехал представитель Президента по Африке М.В. Маргелов с посреднической миссией (при этом М. Каддафи отказался принимать сенатора).

выигрышный элемент нашего внешнеполитического курса, как уважение норм международного права, убедительнее показывать, что в основе этого курса лежат не геополитические и прагматические интересы (вроде использования сирийского порта Тартус для кораблей нашего военно-морского флота), а философия мироустройства.

Отмеченное раздвоение в оценках «Арабского пробуждения» со стороны российских официальных и экспертных кругов стало возможным, по нашему мнению, и ввиду того, что по большому счёту революционные перемены в регионе со всей их неоднозначностью и противоречивостью не получили принципиальной публичной оценки на высшем уровне. Отдельные заявления по случаю наиболее одиозных поворотов в развитии событий в Сирии или Ливии вряд ли могут служить адекватным и полным выражением государственной позиции.

В свете сказанного было бы целесообразно публично изложить официальную российскую позицию на самом высоком уровне по такому феномену «Арабского пробуждения», как выход на политическую арену исламских партий, возглавивших послереволюционное переустройство арабских государств и обществ и получивших международную легитимацию. Без этого, как уже было сказано, будет затруднительно выстраивать отношения делового партнёрства, к примеру, с новыми властями Египта, который со временем имеет все шансы вернуть себе ведущую роль в арабском мире. Параллельно нужно повсеместно оказывать поддержку и светским политикам, поскольку их усиление может играть роль противовеса влиянию салафитов и джихадистов.

Конечно, многое будет зависеть от исхода наметившейся борьбы внутри сообщества исламистских движений, где пытаются сосуществовать под одной крышей, условно говоря, три уже упоминавшихся выше течения: «Братья-мусульмане» и родственные им организации, отвергающие насильственные методы борьбы, декларирующие принятие принципов электоральной демократии и прагматизма в политике; салафиты, придерживающиеся средневековых трактовок ислама по вопросам государственного устройства и общественной жизни; и джихадисты, не отказавшиеся от методов политического террора. США и Европа делают расчёт на то, чтобы с помощью финансово-экономических привязок и при политической поддержке добиваться усиления умеренного крыла в египетском руководстве, представленного лидерами БМ, одновременно нанося удары по джихадистам в Йемене, Ираке, Пакистане и Афганистане.

Такая тактическая линия, к проведению которой американцы, к примеру, задолго до «Арабского пробуждения» побуждали руководство Алжира, показала свою действенность. Отвечает она в целом и российским

интересам. Здесь могут быть найдены точки для делового и политического взаимодействия с американцами.

Проблема политического ислама сопряжена с решением целого ряда вопросов, в частности, о соотношении современного развития и национальных религиозных традиций, а также о том, будет ли модернизация проводиться в жизнь при следовании нормам ислама (разумеется, в их умеренной интерпретации) или она сведется к вестернизации под влиянием активных попыток Запада навязать арабским обществам свои ценности. Политические трансформации, происходившие в арабском мире, со всей очевидностью показывают, что проект демократической модернизации может приносить желаемые результаты только в рамках или по крайней мере с учётом исторических традиций. И наоборот, политические реформы не могут быть успешными, если они проводятся как альтернатива исламу и, следовательно, воспринимаются мусульманским сообществом в качестве вызова религиозным ценностям.

Поэтому стратегия демократизации, о которой мы можем в позитивном плане вести диалог высокого уровня с Западом, должна быть нацелена на интеграцию мусульманского мира в мировые процессы со своими исламскими ценностями (в том числе политико-правовыми), совместимыми с общепринятыми демократическими принципами и осмысленными в духе современных реалий. Такой подход будет подталкивать также и самих мусульманских богословов к модернизации исламской теории и практики.

Закрепление принципиальной позиции России в сделанном при удобном случае публичном заявлении Президента позволило бы снять многие неопределённости и двусмысленности, облегчило бы планирование дальнейших шагов по обеспечению российских интересов на Ближнем Востоке. Оно явилось бы также своевременным сигналом мусульманскому сообществу в России с учётом происходящих там сложных и тревожных процессов.

Позиционируя себя при проведении политики в отношении исламского мира как силу, которая может и хочет примирить различные лагеря, располагая ресурсом традиционных отношений со всеми, желательно действовать, когда это возможно, в контакте с партнерами из Евросоюза и США, а не в противодействии с ними. Одновременно необходимо дистанцироваться от допущенных ими ошибок, прежде всего от неприемлемого вмешательства во внутренние процессы в регионе, в том числе с помощью военной силы. Впрочем, даже американцы извлекают уроки из своих провалившихся дирижистских экспериментов на Ближнем Востоке, и наиболее реалистично мыслящие политики говорят об опасности подобного вмешательства для долгосрочных интересов своей страны. Однако нам было бы полезно предпринять более активные шаги по выравниванию отношений с

различными партнерами, пользуясь их заинтересованностью в диверсификации внешнеполитического курса. Отметим, что общий интерес России и США в отношении сирийского химического оружия состоит в том, чтобы оно не попало в руки террористов.

При проведении курса на примирение и выборе соответствующих внешнеполитических инструментов нам следует учитывать динамично меняющую расстановку сил в регионе. К примеру, с одной стороны, давление на Иран усиливается и эта страна испытывает весьма тяжелые последствия экономических санкций. С другой — Иран продолжает развиваться и добивается некоторых успехов на внешнеполитическом поприще. Таким успехом явился выход Тегерана на ведущие позиции в реанимированном Движении неприсоединения, которым он будет руководить в течение предстоящих четырех лет. В определенной мере Движение неприсоединения будет уравновешивать Организацию исламского сотрудничества (бывший ОИК), в которой мы состоим в качестве наблюдателя. Наше присутствие в обеих организациях является полезным ресурсом.

При том что нормализация отношений с исламскими силами неизбежна, России необходимо предпринять шаги по защите интересов христиан на Ближнем Востоке. Наше бездействие в этом отношении противоречит нашей роли ведущей православной державы и одной из опор христианского мира. Тот факт, что в России не велась и не ведутся религиозные войны, может быть эффективно использован в политике в отношении региона. Более активную роль в этом направлении могла бы играть РПЦ.

Может ли быть успешной демократическая модернизация под лозунгами ислама? Могут ли государства, управляемые исламистскими организациями, войти в число развитых и рассчитывать на то, что их ценности найдут понимание? Время покажет, но есть немало государств, которые сохраняют свою отчетливо выраженную и основанную на многовековых традициях самобытность, входя при этом в число наиболее развитых государств мира (например, Япония или некоторые государства ЮВА, не говоря уже о Китае).

Возвращаясь к стратегии американцев по конструктивным контактам с «умеренными» исламистами, нельзя не признать, что она, несмотря на серьезные сбои, в целом, похоже, начинает срабатывать. США удалось несколько понизить градус антиамериканизма арабов, несмотря на продолжающуюся неограниченную поддержку Израиля и фактически ведущиеся военные действия в Афганистане и Пакистане, с которым у Вашингтона ухудшились отношения. Но при этом США могут вновь попасть в ловушку, в которую они уже попадали во время войны в Афганистане, вскормив силу, повернувшую после вывода советских войск оружие против самих американцев.

3. ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА

Наша политика в отношении сирийского кризиса безупречна с точки зрения принципов, хотя и требует некоторой корректировки с учетом репутационных издержек, да и самого динамичного развития событий в стране и вокруг нее. Собственно, такая корректировка уже началась, что подтверждают высказывания руководителей нашего дипломатического ведомства.

Большим достижением для нас является утвердившийся на поле сирийской проблемы российско-китайский внешнеполитический тандем. Он имеет шансы стать постоянно действующим фактором, несмотря на различие приоритетов и даже интересов. Что касается США, нельзя не отметить, что в проведении своего курса в отношении сирийского кризиса они все же проявили определенную гибкость, которая дает некоторую надежду на нужное нам взаимопонимание, особенно в противостоянии общим угрозам. Американцы немало встревожены выходом на ведущие позиции в антиасадовском восстании религиозных экстремистов и террористов. Они, судя по всему, поняли, что их безусловная позиция поддержки вооруженного мятежа дискредитирует те ценности, к которым Америка призывает. Приход к власти тех, кто сегодня воюет с Асадом, не сулит Вашингтону ничего хорошего, более того, он только усилит угрозы, исходящие из региона для США и их союзников в регионе¹².

Именно поэтому американцы не только не поддержали раздававшиеся из некоторых европейских столиц призывы признать заведомо обреченный «эмиграционно-профессорский» Сирийский национальный совет в качестве «единственного законного представителя сирийского народа» – по ливийскому сценарию, но и попытались «сменить лошадей». Так появилась инициатива по реорганизации Сирийского национального совета и созданию новой оппозиционной политической организации, которая чисто формально сумела объединить всех оппозиционеров. Эту инициативу США реализовали совместно с Катаром, создав Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил (НКОРС). За ее созданием стояло изменение стратегии администрации Обамы, который накануне выборов попытался добиться хоть какого-то успеха в отношении сирийского кризиса — вместо

¹² Как пишут авторы доклада Международной группы по изучению кризисов: «В первые недели 2012 г. в рядах оппозиции дебатировался вопрос о том, объявлять ли джихад против режима – мнение, давно высказываемое на форумах наиболее воинствующих, жестких элементов, но табуированное среди мейнстримной оппозиции. Изменение совпало с появлением первых двух крупных салафитских групп в восстании – Джабхат ан-Нусра (Фронт поддержки) и Катаиб Ахрар аш-Шам (Батальоны свободных сирийцев), каждое из которых однозначно приняло язык джихада и призвало к замене режима исламским государством, основанном на салафитских принципах» (Tentative Jihad: Syria's Fundamentalist Opposition. Middle East Report № 131 // International Crisis Group. 12.10.2012).

ориентации исключительно на суннитские группы попытаться привлечь на сторону оппозиции алавитов и христиан. В определенной степени эта инициатива была направлена и против Саудовской Аравии — государства, которое вроде бы находится в стане союзников США, но в целом не пользуется их доверием и рассматривается как источник угрозы, более того, подвергается резкой критике со стороны определенной части американского политического истеблишмента (в первую очередь из круга «неоконов»). Напомним, что американский аналитик Лорент Муравик в 2002 г. даже предлагал захватить саудовские нефтяные месторождения и оккупировать Мекку¹³.

Американская инициатива не встретила единодушной поддержки у группировок мятежников, особенно у салафитов и джихадистов, которых в Сирии появляется все больше. Их особое недовольство вызвало включение Вашингтоном выше упоминавшего «Джабхат ан-Нусра» («Фронта поддержки») в список террористических организаций. Признание НКОРС в качестве единственного законного представителя сирийского народа сначала Францией, Великобританией и государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), а затем и другими государствами, в том числе США (в качестве просто законного представителя), открыло путь к эскалации военного противостояния в Сирии и прямой иностранной интервенции. В кулуарах Манамского диалога, состоявшегося 7–9 декабря 2012 г., западные представители выражали крайнюю обеспокоенность высказыванием некоторых арабских участников о том, что повстанцы не требуют от их сторонников на Западе и в регионе продавливания решения о создании в Сирии бесполетной зоны по ливийскому образцу, так как рассчитывают создать такую зону сами¹⁴. Понятно, что если повстанцы получат столь серьезные виды вооружения, при их неминуемом расползании оно, как уже неоднократно случалось прежде, будет повернуто против самих представителей Запада. Обращает на себя внимание также прямое несовпадение позиций США и НКОРС по ключевому вопросу: американцы говорят о необходимости не повторять двух главных «ошибок Ирака» (дебаасизации и роспуска армии), которые привели к воцарению там хаоса, а лидеры НКОРС заявляют о намерении не только свергнуть Б. Асада, но и демонтировать весь режим.

Заметим, что американская администрация в то время еще воздерживалась от передачи тяжелого вооружения отрядам сирийских мятежников после убийства посла США в Ливии, опасаясь, что это оружие попадет в руки террористов и впоследствии опять будет направлено против американцев.

¹³ См. об этом в кн.: Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. М. – Нижний Новгород: «Медина», 2008. С. 574.

¹⁴ Материалы Манамского диалога 2012 г.

Показательно, что некоторые подвижки в позициях западных коллег произошли во многом благодаря твердому курсу России. Пока сирийский режим демонстрирует устойчивость, но все же теряет позиции. Нам нужно тщательно прорабатывать различные сценарии дальнейшего развития ситуации в стране, в том числе в постасадовскую эпоху. Некоторые шаги следовало бы предпринимать уже сегодня. Так, справедливо возлагая вину за кровопролитие на все стороны конфликта и говоря о жестокости и опасности действий джихадистов, нам стоит активно выражать сочувствие жертвам конфликта, участвовать в деятельности международных организаций по оказанию помощи пострадавшим. Заметим, что Китай, несмотря на то что выступает по сирийской проблеме с одних позиций с Россией, оказывает гуманитарную помощь сирийским беженцам, которая теми принимается.

Гражданская война, развернувшаяся в Сирии на межконфессиональной почве, приобретает затяжной характер. Сирийской армии не удалось воспользоваться «свободой рук», которую она получила после прекращения миссии Кофи Аннана, чтобы подавить вооружённую оппозицию. Ни та ни другая сторона пока не в состоянии склонить чашу весов в свою пользу, несмотря на значительные военные успехи повстанцев, если, конечно, не произойдёт внезапного слома режима изнутри, как это случилось в Египте. В этой патовой ситуации издержки для России будут всё более чувствительными, но их конечные последствия для российских интересов не стоит драматизировать. Определённые тактические уточнения в нашу дипломатическую линию уже вносятся. Российской стороной было ясно заявлено, что мы не являемся адвокатами сирийского режима, и дано понять, что в ходе внутрисирийского диалога должны решаться все вопросы, включая, возможно, и вопрос об уходе Асада.

В то же время резкая смена позиции не в долгосрочных интересах России. Говоря словами С.В. Лаврова, «если все говорят правду, когда утверждают, что приоритет номер один — это прекращение бойни и спасение жизней, тогда надо вообще оставить проблему Асада в стороне и заставить всех объявить перемирие, привести туда наблюдателей ООН в большом количестве и посадить стороны за стол переговоров без предварительных условий типа “исчезновения президента Сирии”»¹⁵.

Поставив заслон излишне самоуверенной дипломатии Саудовской Аравии и Катара, мы показали им, что даже при поддержке Запада и некоторых региональных акторов они не могут без учета позиции Москвы добиваться реформатирования региона в том направлении, какое им угодно. В дальнейшем это может играть и на пользу России, хотя уже сейчас нужно намечать

¹⁵ Из ответов Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы СМИ по итогам саммита Россия-ЕС в Брюсселе. 22.12.2012. URL: http://www.in.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/a81db48408de76fd44257adc004d10c7!OpenDocument

шаги по восстановлению отношений с этой важной для нас группой государств. В ходе официальных контактов с их лидерами следовало бы проводить линию на разделение политики и экономики, предлагая шаги по развитию экономического сотрудничества. Несмотря на различия политических позиций в отношении сирийского кризиса, понятно, что на «сирийском поле» столкнулись не столько Россия и Запад, сколько две региональные силы — Саудовская Аравия и Иран. Нам стоило бы подумать о том, чтобы попытаться сыграть посредническую роль в смягчении конфликта интересов этих региональных держав и резко обострившихся отношений между суннитским и шиитским блоками в исламском мире, для чего можно использовать наше присутствие в качестве наблюдателя в Организации исламского сотрудничества, а также наш ресурс в оживившемся Движении неприсоединения.

Некоторой нейтрализации антироссийского негатива послужило бы оказание нами более энергичного давления на сирийское руководство, не отказываясь от нашей поддержки, но добиваясь от него большей гибкости. Целый ряд российских экспертов считают, что оно злоупотребляет «политической крышей» России и Китая. Наши шаги и аргументацию следует предавать большей гласности. Ведь в конечном счёте именно баасистская верхушка Сирии довела дело до такого опасного оборота своим традиционным упрямством и нежеланием реально оценить складывающуюся обстановку.

На фоне происходящих и грядущих перемен в различных странах Арабского Востока необходимо решительно отстаивать принципиальные основы нашего политического курса, делая его максимально прозрачным и понятным для всех глобальных и региональных игроков, в том числе и выступающих за перемены. Через высказывания официальных лиц и экспертов нужно активнее проводить мысль о том, что в проведении своего курса Россия руководствуется не меркантильными интересами, а именно высокими принципами. С началом интернационализации «Арабской весны», что имело место уже во время событий в Ливии, а затем в Сирии, на повестке дня остро встал вопрос о государственном суверенитете. Сегодня ряд экспертов, в том числе отечественных, считают, что распад Вестфальской системы уже давно идет, что проявляется в отходе от приоритетности государственного суверенитета и убеждает нас в том, что нам не надо этого бояться. При этом приводят такие аргументы, что мы сами достаточно защищены, стабильны и способны обеспечить защиту своих ближайших союзников, а рисковать своими интересами ради отстаивания суверенитета третьих, не входящих в орбиту наших интересов «малых» стран нам не стоит. Однако эти рассуждения вызывают острую критику со стороны другой, более многочисленной группы экспертов, полагающих, что нам надо последовательно и во всех ситуациях отстаивать позицию безусловного приоритета суверенитета государства.

IV. РОССИЯ И АРАБСКИЙ МИР В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

1. ПРЕДПОСЫЛКИ И СУЩЕСТВУЮЩИЙ УРОВЕНЬ СОТРУДНИЧЕСТВА

Россия занимает одну из ведущих позиций в мире по размеру национального богатства¹⁶ и уже в силу этого обстоятельства имеет основания заявлять о себе как о глобальной державе, а не просто о большом государстве. Этот факт особенно важен сейчас, когда процесс глобализации охватил большинство государств и активно вторгается в функционирование мировых торгово-промышленных сетей, формируя серьезную заданность векторов внутри- и межконтинентальных торговых и коммерческих отношений. За этим четко прослеживается борьба за выгодность внешнеэкономических маршрутов, в которой приобретателями выгод становятся более мобильные и инициативные игроки.

В таких условиях экономическое закрепление России на Востоке — важный фактор обеспечения ее национальных интересов. Регион стабильно демонстрирует высокий спрос на продукцию ТЭК, ВТС, инвестиционные товары и др. Это дает России стимул углублять собственную модернизацию, развивать промышленность, научно-технический потенциал, чтобы быть на уровне требований восточных рынков. По результатам подобного курса у нее появится реальная возможность предметно продемонстрировать Востоку свою способность служить противовесом в его непростых отношениях с западным капиталом. Главное же в том, что Россия найдет достойное место на огромном и капризном арабском рынке. Такие соображения должны серьезно определять содержание ее экономической составляющей восточной политики.

¹⁶ Wealth of Nations // The World Bank. URL: http://data.worldbank.org/sites/default/files/total_and_per_capita_wealth_of_nations.xls

В начале века Россия активизировала экономические контакты с Арабским Востоком. Объем ежегодного торгового обмена довольно последовательно нарастает (с 1,4 млрд долл. в 2000 г. до 8,4 млрд в 2012 г.)¹⁷. Общий результат складывается в пользу России: 90 % стоимости сделок формируются ее поставками продукции ТЭК и металлов, древесины и продовольствия, машин и оборудования. Импорт складывается из продовольствия, нефтехимии и текстиля. Главными контрагентами в последнее время были Египет, ОАЭ, Марокко, Сирия и Йемен (70 % совокупной стоимости российско-арабской торговли). Экономическое же сотрудничество включает объекты инфраструктуры, инвестиционные сделки, контракты по разовым проектам и оценивается в скромных показателях — по годам максимум в пределах 100–300 млн долл.

По абсолютным размерам сотрудничества с РФ Арабский Восток сильно отстает от сходных с ним по уровню развития Центральной Азии и Среднего Востока. В 2011 г. доля пяти республик ЦА в общем объеме товарооборота России с зарубежными странами составляла 28 млрд долл. Для Турции и Ирана показатель равнялся 32 млрд долл. и к 2015 г. может трехкратно повыситься за счет торговли с одной Турцией. Иными словами, разрыв между РФ и арабскими странами имеет все шансы увеличиться¹⁸.

2. РОССИЯ: ПОТЕНЦИАЛ И НАМЕРЕНИЯ

Но даже такая текущая ситуация дает российскому руководству основания делать оптимистичные заявления¹⁹. В начале 2011 г. было подчеркнуто, что «мы будем развивать отношения по полной программе», а в начале 2012 г. подтверждалось намерение «оперативно восстанавливать наши экономические позиции» в регионе. В этих словах проявляется политическая воля, что может служить гарантией последующих позитивных действий на указанном направлении.

Россия действительно прилагает усилия, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Последняя инициатива — создание Агентства по страхованию экспортных кредитов и инвестиций для защиты капиталов от рисков. Начал работу Российский фонд прямых инвестиций для совместных капиталовложений на территории России и за ее пределами, в том числе на Арабском Востоке. Эти два института призваны решать часто возникающие проблемы, более всего влияющие на движение капитала. На очереди решение по Арабско-российскому банку как средству стимулирования совместных проектов.

¹⁷ UN Trade Statistics Database. URL: <http://comtrade.un.org/db/>

¹⁸ International Trade Statistics 2010-2011. URL: <http://comtrade.un.org/db/>

¹⁹ См.: Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.2012

Тем не менее это технические меры. Нужны более действенные инструменты выправления ситуации. Пока же регион в российской Концепции национальной безопасности и, соответственно, в приоритетах ВЭД на восточном направлении занимает последние места, хотя этот момент может быть откорректирован при необходимости.

Меры политического порядка должны носить комплексный и последовательный характер, решать стратегические задачи, для чего необходимы тонкие инструменты и отказ от валовых подходов прежней эпохи.

В международной торговле Россия вполне может ориентироваться не столько на норму прибыли, сколько на ее массу. Она может параллельно с инвестиционными контрактами внедрять альтернативные формы сотрудничества, которые расширяют инвестиционную базу за счет средних и мелких частных предприятий. Россия имеет наработки в технологиях, в прикладных научных исследованиях, водопользовании, агрокультуре, в охране окружающей среды и т. п. Кооперационные связи и успешные деловые отношения с максимально большим количеством юридических и физических лиц нужны не только для бизнеса, но и для формирования групп сторонников и агентов влияния, как это было в советское время.

Вполне реально менять форматы сотрудничества и упор делать не на два-три государства или пять — десять крупных проектов, а рассредоточивать риски, умножая число хозяйствующих субъектов и сферы приложения капиталов в арабском мире и в России.

Отдельная важная тема — поиск возможностей для привлечения к сотрудничеству исламских банков, которые доказали свою эффективность в арабских и других мусульманских странах. По внутренним соображениям мусульманские финансовые учреждения могли бы привлекаться к участию только в зарубежных проектах.

3. ГОТОВНОСТЬ АРАБСКОГО МИРА

Арабский Восток переживает разрушительный период и будет длительное время испытывать последствия «поствесеннего» синдрома в социально-экономической сфере и для конъюнктуры своих рынков. Арабский мир оказался еще более дифференцирован: макроэкономические условия (воспроизводства) в его капиталоемкой части неизмеримо ухудшились, капиталозыбыточный сегмент находится в состоянии напряженного ожидания событий, которые аравийским монархиям пока удалось купировать за счет закачивания 150 млрд долл. в социальные проекты²⁰.

²⁰ Vicky K. Arab Spring cost GCC \$150bn // Emirates247.com. URL: <http://www.emirates247.com/business/economy-finance/arab-spring-cost-gcc-150bn-2011-09-06-1.417045>

Финансовая база многих стран оказалась подорванной, что уже сказывается на населении и на внешнеэкономических возможностях режимов (сокращение расходов на импорт продовольствия, ухудшение перспектив приобретения инвестиционных товаров, обновления вооружений и т. п.).

Арабский Восток уже дал негативные для России свидетельства своей принадлежности к нестабильным системам. События «Арабской весны» резко выбили из колеи ее давних партнеров по экономическим связям — Египет, Ливию, Сирию, Йемен. Только в одной Ливии потери от упущенной выгоды исчисляются в размере 4 млрд долл., не считая иных издержек. По другим случаям оценок ущерба нет, но они, безусловно, впечатляющи.

Арабский капитал в силу чрезмерной осторожности и боязни рисков не может решить для себя, с какими структурами в России лучше сотрудничать. Есть остаточное доверие к госкомпаниям, но нет особой расположенности к работе с частным капиталом. Бизнес не вызывает большого доверия как партнер, если он не инкорпорирован в международные проекты или не доказал свою эффективность на многих примерах, существуя в отрыве от государства.

На этом фоне в регионе резко возобладали прагматический взгляд на международное экономическое сотрудничество. Любой контрагент рассматривается сквозь призму его конкурентоспособности, вычисляется степень адаптивности его продукции к потребностям местного рынка и выгодность сделок в сравнении с другими экспортерами. Процедуры оформления сделок и поставок ныне осуществляются преимущественно через тендеры, и внеконкурентные подряды советских времен считаются недопустимыми из-за опасения восточных рынков получить статус демпинговых.

Уже одни эти моменты создают ощутимые преграды для развития российской внешнеэкономической деятельности (ВЭД) и могут осложнить будущее России на рынках региона. Однако необходимость оградить свои экономические интересы вполне может заставить «весенние» режимы подкорректировать связи на мировом рынке в пользу РФ. Велика будет потребность в системе сдержек и противовесов в отношениях с Западом. Показательна в этом плане сделка по линии ВТС с Ираком на 4,3 млрд долл.²¹

4. ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АРАБСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Турбулентность в арабском мире перекликается с незавершенностью перехода России к «цивилизованному» капитализму. Хотя Россия остается

²¹ Пресса России: сделка между Ираком и Россией под угрозой // Би-би-си, Русская служба. 12.11.2012. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/11/121112_rus_press.shtml

ключевым мировым производителем энергоресурсов, она утратила статус великой промышленной державы. Пока она не имеет производительных сил пятого технологического уклада, значения крупного регулярного международного поставщика современных товаров с высокой добавленной стоимостью и уступает по показателям конкурентоспособности своим соперникам в странах Арабского Востока. Только сырьевые и энергетические товары, металлы, трубы, дерево, отдельные виды машин и оборудования могут поступать по экспорту в промышленных количествах.

Мир же ныне (включая и арабский) в растущей степени вовлекается в технотронную цивилизацию. Россия по доле в мировом рынке электронной техники и компонентов составляет менее одного процента и весьма ограничена в маневре на соответствующем рынке. К тому же пока непонятно, как отразится членство в ВТО на экономике самой России. Баланс выгод и потерь все еще остается неясным. Из-за этого ближайшее ее будущее, в том числе связанное с ситуацией во внешней торговле, характеризуется всего лишь как нейтрально-позитивное.

На этом фоне в российском истеблишменте проступают расхождения в оценках ближневосточной политики России по результатам «Арабского пробуждения». Ситуация между тем далеко не однозначна, чтобы быть только позитивной или негативной, и ей должен быть противопоставлен взвешенный и согласующийся с моментом российский ответ. Поворот к России некоторых арабских режимов не перекрывает немаскируемый негативизм других. Здесь важны не эмоции, а рациональный расчет вариантов российской ВЭД в регионе в свете обостряющейся обстановки и растущих прямых вызовов.

Между тем РФ явно имеет вполне определенные шансы, чтобы предпринять наступление на Арабский Восток.

4.1. Возможности сотрудничества в области энергоресурсов

Россия — крупнейший производитель углеводородного сырья, она добывает нефти больше, чем Саудовская Аравия²². Нет оснований полагать, что Россия и в обозримом будущем не будет наращивать энергетический потенциал за счет своих природных запасов нефти и газа.

Россия не связана с арабскими нефтеэкспортерами системными экспортно-импортными соглашениями, но как обладатель гигантских ресурсов зависит от общей обстановки на нефтяном рынке. Россия заинтересована в стабильности конъюнктуры и блокировании падения цен за счет

²² Russia's 2012 Oil Output Hits Post-Soviet High // Voice of America. 02.01.2013. URL: http://www.voanews.com/content/russias_2012_oil_output_reaches_post_soviet_high/1576511.html

маневра добывающими мощностями. Поэтому она сотрудничает с ОПЕК по некоторым вопросам, что, однако, не исключает наличия несовпадающих интересов и взглядов. Но тесные контакты на будущее должны быть императивом в отношениях с этой организацией как условие регулирования спроса и предложения сырья и фактор сдерживания монополизма картеля.

Нам следует исходить из того, что подвижки на мировом рынке газа могут к 2020 г. довести долю СПГ в общем объеме газовых поставок до 65 %. Целесообразно уже сейчас озаботиться перспективами нашего участия в глобальном газовом рынке и созданием позиций в мировой торговле СПГ. К этому подталкивают весомые причины — ухудшение ситуации с поставками трубного газа в Европу и освоение новых месторождений в труднодоступных для сооружения газопроводов местах.

Об ожесточенности борьбы на газовом фронте свидетельствует такой несостоявшийся проект, как «газовый ОПЕК». Противоречия вокруг него и конкурентная борьба между Россией и Катаром вкупе с резкими протестами США отодвинули его в тень. Но в возможных недалеких коллизиях глобального или регионального порядка он может обрести ключевое значение.

В расширении энергетического сотрудничества России с БСВ могут сыграть большую роль программы мирного использования атома. Подряд на строительство АЭС в Турции и протокол с Кувейтом по этой же теме могут стать признанием весомого авторитета России в ядерной энергетике.

4.2. Возможности в области ВТС

Этот вид внешнеэкономической деятельности сопровождается высокими рисками из-за ожесточенной конкуренции и непредвиденных политических осложнений в странах – конечных потребителях. В интересах России работать в регионе очень аккуратно, учитывая дефицит финансовых ресурсов в «поствесенних» странах и приверженность арабских монархий к западному оружию, максимально разнообразить способы урегулирования задолженности, использовать гибкие системы расчетов, предоставлять льготы и кредиты и даже идти на снижение доходности от торговли оружием. Целесообразно присмотреться к практике офсетных сделок в целях повышения конкурентоспособности российской продукции военного назначения не только по качеству образцов, но и по условиям операций.

Необходимо иметь ввиду, что престиж России как активного фигуранта на восточном рынке военной техники может страдать от временами появляющихся в российских СМИ публикаций о том, что ее вооружение устарело и не отвечает требованиям современной войны. Негативная информация с готовностью ретранслируется на БСВ и подается как свидетельство российской неконкурентоспособности. В связи с этим необходимо, чтобы

внутренние проблемы ВПК обсуждались публично, но специалистами, а не публицистами, и не давали прямого повода для кампаний в ущерб России.

Авторитет России может пострадать от внутренней конкуренции за зарубежные заказы между самими российскими конструкторскими бюро, которые являются известными в мире брендами. Подрыв доверия к ним — это путь к ущемлению коренных интересов России на Востоке.

В интересах России также упорядочить некоторые крайне важные моменты в торговле военной техникой и продукцией военного назначения. Особенно это касается случаев неизжитого с советских времен отношения к поставкам запчастей и материалов к проданной технике без их привязки к ее номенклатуре. Такое небрежение вызывает недовольство у контрагентов и может ограничивать готовность конечного потребителя к новым сделкам.

4.3. Возможности в достижении продовольственной безопасности

Россия обладает обширными земельными и водными ресурсами и может активно содействовать решению продовольственной проблемы на БСВ, страны которого относятся к крупнейшим импортерам продовольственных товаров и продукции сельского хозяйства, особенно зерновых, которые составляют более 50 % в рационе населения.

Российские экспортеры добились успеха на этом чрезвычайно конкурентном рынке без участия государства. Господдержка же будет в большей мере способствовать общему укреплению позиций России в этой значимой части мира. Уместно в пропагандистских целях хотя бы часть сыпучих грузов затаривать в упаковку с названием страны-отправителя, чтобы местное население имело представление об источнике продовольственных поставок.

В защите интересов России и СНГ существенную роль может сыграть «зерновой ОПЕК» в составе России, Украины и Казахстана. Этот товарно-отраслевой блок мог бы солидарно отстаивать позиции на мировом зерновом рынке, что благотворно сказалось бы и на его присутствии на рынках БСВ.

Помимо прямых поставок, арабским странам можно было бы предложить варианты использования простаивающих плодородных угодий в виде их аренды или на иных условиях типа создания агрохолдингов, либо совместных предприятий, либо в любой другой форме. Тем более что некий опыт в этой области уже представлен ограниченной сельскохозяйственной деятельностью Ирана на российской территории.

Взаимодействие с БСВ может быть подкреплено операциями по типу «нефть в обмен на продовольствие», которые могут быть модифицированы применительно к другим условиям. Сделки могут инициироваться в увязке с энергетическим компонентом, элементы которого могут служить паевым

взносом при организации хозяйств или в обмен на иные полезные обоюдывыгодные приобретения, например продовольствие в обмен на контракты, недвижимость в арабских странах, активы, доли в нефтяной или иных перспективных сферах хозяйственной деятельности.

Партнерство с арабской стороной на российской территории может быть выгодным для повышения общей культуры земледелия в регионах за счет развития инфраструктуры, новых агротехнологий, интенсификации труда, а также совершенствования транспорта и логистики. Прогрессивные очаги хозяйствования способны создавать стимулы для роста экономических показателей сельских хозяйств на прилежащих территориях за счет демонстрационного эффекта и усвоения опыта, аккумулированного в процессе производства на более высоком техническом уровне.

России следует обратить внимание на санитарное состояние экспортных поставок, в частности зерна, которое порой не отвечает международным стандартам качества. Подобные случаи связаны с обременительными дополнительными расходами и могут сказаться на будущем сотрудничестве.

4.4. Перспективы в сфере железнодорожного сообщения

Россия обладает огромным опытом, передовыми технологиями и кадрами в такой актуальной для БСВ транспортной отрасли, как железные дороги. Она многое сделала на этом поприще, в свое время участвуя в прокладке колесных линий в ряде государств региона, чем способствовала их экономическому росту.

В условиях кризисных явлений в мировой экономике один из немногих стабилизирующих факторов — капиталоемкие проекты, среди которых фундаментальностью выделяются модернизация и прокладка новых железнодорожных линий. Россия крайне заинтересована в присоединении к любым проектам такого рода. Они связаны с крупными инвестициями и планируются в ряде капиталододефицитных и особенно капиталои избыточных арабских государств, что означает появление новых возможностей для сотрудничества России с ними.

Железнодорожный транспорт весьма эффективен для развития региональных и международных экономических связей, повышает отдачу от использования природных ресурсов, активизирует систему международного разделения труда. В странах БСВ положительно оценивают эти аспекты и ныне принимают политические решения о сооружении железных дорог с перспективой их вывода за пределы региона.

Россия вполне могла бы претендовать на участие практически в любых подобных зарубежных проектах строительства транспортной

инфраструктуры. Тем более что она имеет существенные конкурентные преимущества в глобальной системе транспортных сообщений в силу выгодного геостратегического положения, что дает основания налаживать связи со многими регионами и странами. Проект международного транспортного коридора «Север — Юг» постепенно развивается, открыт для новых участников и может поднять не только провозную способность железных дорог, ведущих из Европы в Персидский залив и Южную Азию, но и повысить конкурентоспособность заинтересованных государств на будущее. Целесообразно использовать этот временной лаг в целях пропаганды потенциала РЖД, презентовать транспортно-транзитный потенциал России с использованием всех доступных средств, возможностей и площадок. «Ренессанс» железнодорожного транспорта в мире и на Арабском Востоке должен обернуться выгодой для России, заинтересованной в инфраструктурном мегапроекте мирового уровня на своей территории.

Приведенные четыре направления сотрудничества России с БСВ предстают наиболее обещающими в инвестиционном отношении и способны продемонстрировать растущие возможности России в ведении продуктивной внешнеэкономической деятельности. Это не означает, что другие, достаточно разнообразные сферы экономического взаимодействия с БСВ будут иметь меньшую результативность. Любые сегменты воспроизводственных систем региона не должны оставаться вне внимания российской ВЭД. Только комплексный подход к проблеме и мобилизация общих усилий государства и корпоративных структур, наряду с привлечением частного среднего и даже мелкого предпринимательства к участию в бизнесе с зарубежным Востоком, может сделать процесс плодотворным. Вопрос же состоит в том, чтобы найти каждому участнику соответствующее место по его способностям в системе деловых связей с БСВ.

V. ПРЕДЛОЖЕНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ

1. В ОБЩЕМ ПЛАНЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ:

- Высказать со стороны России на самом высоком уровне отношение к «Арабскому пробуждению», при этом подтвердив нашу позицию относительно выхода на политическую арену арабских стран исламских партий.
- Установить и развивать отношения со всеми политическими силами в странах Ближнего Востока, в том числе с «Братьями-мусульманами», в первую очередь с созданными этим движением партиями, и светскими партиями, не только через межгосударственные каналы, но и через межпартийное и межрегиональное сотрудничество, а также через неправительственные организации (не исключая контакты с некоторыми наименее радикальными салафитскими силами).
- Одновременно с этим активизировать взаимодействие с западными партнерами для принятия мер по недопущению прихода к власти в регионе салафитских сил, особенно радикального направления.
- Параллельно с этим разрабатывать и активно реализовывать краткосрочные и долгосрочные стратегии противодействия угрозе распространения радикального политического ислама на территорию Центральной Азии, Кавказа и российских регионов, включая Северный Кавказ и Урало-Поволжье (конкретно это может выразиться в пополнении рядов джихадистов за счет выходцев из стран Ближнего Востока; контрабанде оружия, боеприпасов, укреплении инфраструктуры терроризма; проникновении идеологии радикального политического ислама).
- В сложившейся ситуации разработать меры по совершенствованию взаимодействия с глобальными и региональными партнерами в борьбе против экстремизма и терроризма (в том числе в рамках БРИКС и ШОС).

- Решительнее осуждать кровопролитие в регионе, активнее выражать сочувствие народам, переживающим ужас гражданской войны, оказывать им гуманитарную помощь (в том числе и сирийским беженцам).
- Оказывать всяческое содействие меж- и внутриконфессиональному диалогу в арабском мире, используя официальные каналы, неправительственные организации и религиозные институты (как христианские, так и мусульманские).
- Провести международную конференцию, посвященную помощи арабским государствам в преодолении экономического кризиса, с участием российской и арабской политической элиты, гражданского общества и бизнеса.
- Активизировать нашу деятельность в ближневосточном квартете посредников, продумать меры по активизации сотрудничества по ближневосточной проблематике в формате БРИКС, добиваться единой поддержки российской политики партнерами по БРИКС, при этом, возможно, поставить вопрос о расширении международного квартета посредников по ближневосточному урегулированию за счет членов БРИКС.
- Рассмотреть возможность выступления с совместной с партнерами по БРИКС инициативой (что может быть сделано во время предстоящего саммита БРИКС в Южной Африке в марте 2013 г.) по международно-правовому регулированию использования беспилотных летательных средств за пределами национальной территории в военных целях.
- Предпринимать активные шаги по укреплению и развитию сложившегося российско-китайского взаимодействия по ближневосточным проблемам (прежде всего по Сирии).
- Предложить американским партнерам сформировать двустороннюю комиссию для мониторинга ситуации и продвижения плана установления мира на Ближнем Востоке во главе с Е.М. Примаковым с российской стороны и Биллом Клинтонем или Генри Киссинджером с американской.
- Уделить внимание курдской проблеме, острота которой явно возрастает, поддерживать контакты с различными курдскими группировками и политическими деятелями в странах компактного проживания курдов.
- Считать важной задачей нашей внешнеполитической линии в отношении региона недопущение хаоса и анархии, установление мира, стабильности, воспитание лояльного отношения к нашей стране в местных обществах.
- Усилить информационную поддержку нашей официальной позиции как для внешней, так и для внутренней аудитории не только официальными лицами, но и экспертами и журналистами.

- В информационной работе показывать, что Россия воспринимает арабских переговорщиков как партнеров, а не как зависимых игроков в большой игре с Западом.

2. НА ДВУСТОРОННИХ ТРЕКАХ ПРЕДЛАГАЕТСЯ:

2.1. По арабским странам:

- Продолжать прилагать усилия по урегулированию ситуации, одновременно готовясь ко всем сценариям развития ситуации (в том числе постасадовскому) и разрабатывая стратегию выхода из конфликта, придавать больше гласности работе с сирийским руководством, договариваться с западными и иными партнерами о параллельном усилении давления на режим и на оппозицию с целью прекращения насилия и начала переговоров.
- По мере возможности содействовать преодолению социально-экономического кризиса, в котором оказался ряд государств, переживших политическую трансформацию, используя для этого программы СМР в рамках двустороннего сотрудничества с ключевыми странами.
- Предпринять шаги по улучшению отношений со странами ССАГПЗ (особенно с учетом планов Саудовской Аравии по наращиванию добычи нефти до уровня 15 млн баррелей в день и роста поставок газа на мировые рынки из Катара, а также авторитета этих государств в мусульманском мире), «разделяя» экономику и политику, сотрудничать с этими государствами по нормализации в Йемене.
- Использовать наше присутствие в Организации исламского сотрудничества и Движении неприсоединения для посредничества в выстраивании диалога между Саудовской Аравией и Ираном.

2.2. По Турции и Ирану:

- С учетом особой важности Турции как в первую очередь внешнеэкономического, а также внешнеполитического партнера предпринимать шаги для того, чтобы разногласия по сирийской проблеме не сказались на этих отношениях (отмечая, что Турция не подвергает открытой критике российскую позицию в отношении Сирии, как это делают Саудовская Аравия и Катар).
- Одновременно парировать негативные стороны влияния культурной экспансии Турции, направленной преимущественно на российские территории с мусульманским населением (Татарстан, Башкортостан, республики Кавказа и т. д.), что потенциально увеличивает риски обострения ситуации в нестабильных регионах.

- Продумать прагматическую стратегию в отношении возможного снижения интенсивности реализации проектов турецких компаний в российских регионах (Татарстан, Башкортостан, Владимирская, Ивановская, Московская, Калужская, Ростовская области, Ставропольский и Краснодарский края), а также замораживания проектов по созданию турецкими компаниями организованных промышленных зон возле крупных городов (Владимирская область).
- Учитывать, что в случае охлаждения российско-турецких отношений в Турции может усилиться негативное отношение к совместным проектам в области атомной энергетики.
- Продумать возможность подключения Турции в той или степени к Евразийскому экономическому союзу.
- Сохраняя высокий уровень политического сотрудничества с Ираном, использовать потенциал его влияния в регионе и авторитет в «шиитском поясе» мусульманского мира для продвижения российских интересов.
- Используя то обстоятельство, что Россия является единственным глобальным актором, сохраняющим отношения с Ираном, выступать в роли посредника в ирано-арабских отношениях.
- Развивать взаимодействие с Ираном по предотвращению распространения экстремизма, нелегального оборота наркотиков и иных дестабилизирующих тенденций на регион Центральной Азии и регионы России.
- Уделить особое внимание сотрудничеству с Ираном в культурной и научно-образовательной сферах, открыть российский культурный центр в Тегеране, что будет содействовать распространению нашей культуры и развитию позитивного имиджа нашей страны в Иране.

2.3. На израильском направлении:

- Учитывая то, что с изменением ситуации на Ближнем Востоке могут измениться причины и параметры российско-израильских противоречий, дистанцироваться от наиболее одиозных акций будущего израильского правительства, сформированного по итогам выборов в январе 2013 г. (например, военной акции против Ирана).
- Учитывая намерение Израиля и далее расширять строительство еврейских поселений на оккупированных территориях, активнее осуждать эту политику.
- При том, что сегодня в Израиле уже, похоже, не считают трагедией, если власть в ПНА возьмет ХАМАС, так как эта организация отходит от Ирана и пытается ориентироваться на Египет, не упустить повышающиеся шансы на осуществление Россией своей посреднической

роли, а наши действия в этом направлении тщательно и заранее планировать.

- Принять во внимание возможность осуществления Россией посреднической роли также и на израильско-иранском треке (израильские политики неоднократно давали понять, что в иранской проблеме особое значение для еврейского государства имеет сбалансированность российской позиции и наши переговорные возможности).
- Создать систему активного политического сопровождения развивающихся экономических, научно-технических и гуманитарных российско-израильских отношений.

3. В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ НАМ СЛЕДУЕТ:

- Активизировать повседневные контакты с государствами БСВ по вопросам экономического сотрудничества в международных организациях (Организация исламского сотрудничества, Азиатский договор сотрудничества и др.), где Россия вместе с ними состоит членом или наблюдателем, а также в тех, где Россия не имеет представительства.
- Искать доступ в специализированные межарабские организации, профиль которых соответствует интересам России.
- Возродить институт торговых атташе в посольствах РФ в странах Арабского Востока.
- Модифицировать роль Российско-арабского делового совета и Торгово-промышленной палаты таким образом, чтобы они, помимо информационно-выставочной деятельности, инициировали именно реальные экономические проекты за пределами и внутри России.
- Концентрировать внимание именно на работе национальных механизмов привлечения прямых иностранных инвестиций и управлении ими, а также на формах и методах их регулирования. Эти аспекты должны рассматриваться как осевые для ВЭД России в ближневосточном регионе.
- Не увлекаться гигантскими проектами, но максимально привлекать средний и мелкий капитал к участию в проектах субъектов Федерации, чтобы расширить зону контакта с арабским предпринимательским классом и создать условия для личного взаимодействия инвесторов на низовом уровне.

■ | ДЛЯ ЗАМЕТОК

■ | ДЛЯ ЗАМЕТОК

■ | ДЛЯ ЗАМЕТОК

РОССИЯ И БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Издательство «Спецкнига»
т. (495) 744-6179
www.specialbook.net

Верстка — В.В. Брызгалова

На обложке использовано фото
Amr Dalsh / Reuters

Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Варнок Про. Усл. печ. л. 3,25.
Тираж 500 экз.